

Г.А. Федоров-Давыдов

Общественный строй Золотой Орды

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г11

Г11 **Г.А. Федоров-Давыдов**
Общественный строй Золотой Орды / Г.А. Федоров-Давыдов – М.: Книга по Требованию, 2023. – 180 с.

ISBN 978-5-458-28770-8

Предлагаемая читателю книга представляет собой вторую часть большой работы по истории кочевых народов в Восточно-Европейских степях X-XV вв. Первая часть ее была опубликована в 1966 г. отдельной книгой "Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов". Данное исследование находится как бы на стыке двух традиционных для русской науки тем: истории печенегов, торков и половцев в южнорусских степях и истории Золотой Орды.

ISBN 978-5-458-28770-8

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Однако и в этой работе социальному строю кочевников было уделено мало внимания. Общество монголов рисовалось д'Оссоном как хаотическое сборище кочевников, «некультурных и неспособных на историческое творчество». Вся история их после Чингис-хана — это следствие могучей воли и власти этого человека. Исследование социального строя монголов у д'Оссона сведено к описанию структуры военной организации, созданной Чингис-ханом, причем армейские построения исследователь выводит только из организационной деятельности этого завоевателя.

Менее оригинальная, чем труд д'Оссона и также лишенная анализа социального строя кочевников была книга английского историка Ховарса «История монголов» (1876—1927) ⁷.

Колониальные устремления царской России в XIX в. нашли отражение в работах В. В. Григорьева ⁸, который противопоставлял «диких» кочевников народам культурных стран и отводил России всемирно историческую роль в обуздании тюркской кочевой стихии. Близкие мысли высказывал и Г. Вамбери ⁹.

В книге Л. Каэна «Введение в историю Азии. Турки и монголы от начала до 1405 года» (1896) ¹⁰ отрицалось существование классовой структуры общества у кочевников. Проводилась апология тюрко-монгольских народов, характерная и для Г. Ховарса. Все противоречия внутри этого общества автор выводил из религиозной или племенной розни. Л. Каэн считал, что при столкновении с культурами оседлых народов кочевники утрачивали свое единство, силу и, не воспринимая ничего от этой, более высокой культуры, «становились расслабленными», теряли «степные доблести», заменяя их узким и фанатичным национализмом. Л. Каэн был далек от представления о движении тюрков и монголов на запад как о стихийном беспорядочном движении диких полчищ. Но он видел только один фактор, придававший какую-то структуру этим ордам — воля и организаторские способности военачальника, что особенно ярко проявилось в личности Чингис-хана. Поэтому у Л. Каэна тюркские народы превращаются в военные отряды, названные именами своих военачальников, а сами эти вожди становятся «благодетелями» своих народов-отрядов. «Не только для того, чтобы кормить и одевать своих неимущих подданных тюркский хан ночью не спит, днем не отдыхает; ради величия имени тюрков, ради национальной славы он трудится и сражается ночью и днем. Египетские фараоны, персидские или ассирийские цари избивали массы народа для прославления своего собственного имени или для возвеличения своих богов; тюркский каган думает только о славе своего народа» ¹¹.

В 1896 г. Н. Аристов выступил со статьей «Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения о их численности» ¹². В ней получила наиболее яркое в русской дореволюционной литературе выражение «родовая» теория происхождения государства, возникающего якобы как продолжение развития семьи, рода, племени.

⁷ Н. Н. Howorth. History of the Mongols from the 9th to the 19th century, t. I—IV. London, 1876—1927.

⁸ См. В. В. Григорьев. Об отношениях между кочевыми народами и оседлыми государствами. ЖМНП, 1875, март.

⁹ См. Г. Вамбери. Первобытная культура тюрко-татарских народов. «Зап. Сибирского отдела РГО», 1884, кн. VI.

¹⁰ L. Cahen. Introduction à l'histoire de l'Asie. Turcs et Mongols, des origines jusqu'à 1405. Paris, 1896.

¹¹ Ibid., p. 78.

¹² «Живая старина», 1896, вып. 3—4.

Являясь сторонником этой теории, В. В. Бартольд в рецензии на книгу Н. Аристова все же высказал мысли о паличии социальной борьбы у кочевников и предлагал видеть в ней одну из причин образования у них государства¹³. Взгляды В. В. Бартольда на происхождение кочевых государств и на их социальное устройство пережили длительную и сложную эволюцию. В трактовке социальных отношений у кочевников В. В. Бартольд был склонен переносить отношения между членами дома Чингис-хана на всю монгольскую державу и рассматривал разложение империи Чингис-хана как результат распада его рода¹⁴. В. В. Бартольд справедливо считал, что именно тюркско-кочевники способствовали развитию феодализма и удельной системы в Средней и Передней Азии. Но он считал, что эти социальные явления развились из характерных для кочевников родовых общественных отношений, перенесенных на государство, которое было, по В. В. Бартольду, как бы достоянием правящего рода¹⁵.

Успешная дешифровка древнетюркских надписей дала толчок исследованию общественных отношений кочевников Азии в первом тысячелетии н. э. Большая часть суждений об общественном строе кочевников у В. В. Бартольда, как и у других востоковедов того времени, базировалась на этих новых, только что прочтенных текстах. В. В. Бартольд считал тюркских ханов и каганов носителями государственности у кочевников. По его мнению, только сильные личности способны преодолеть социальные противоречия, существовавшие среди кочевников и создать империю, в которой эти противоречия исчезнут и наступит «родовой строй под эгидой вождя — кагана». Не случайно, что В. В. Бартольд сочувственно цитировал вышеприведенные слова Л. Қаза¹⁶. Но тема социальных противоречий у кочевников звучит все сильнее и настойчивее в поздних работах В. В. Бартольда. В ряде своих исследований он высказывал мысли о «демократических монархиях» у кочевников и о каганах как выразителях и создателях государственности у тюрков VI—VII вв. Менее определенно В. В. Бартольд высказывался о сущности социального строя у кочевников монгольской эпохи XIII—XIV вв. Государство Чингис-хана он считал построенным на аристократических принципах, в отличие от «демократического» государства у тюрков, и образование монгольской империи ставил в связь с социальными конфликтами и подавлением движения низов в Монголии¹⁷. В. В. Бартольд не считал общество кочевников подобным обществу примитивных дикарей. Он признавал, что у кочевников есть определенный социальный строй. Возникновение государственности у кочевников, в частности у монголов, он связывал с деятельностью сильной личности, гениального организатора, который должен был располагать хорошей армией. Свои взгляды на этот вопрос В. В. Бартольд хорошо изложил в работе «Улугбек и его время» (1918 г.). Он писал: «Жизнь кочевников, несмотря на всю ее несложность, существенно отличается от первобытной жизни дикарей. В степи существует различие между богатыми и бедными и вытекающий отсюда антагонизм сословий, существует потребность защитить свое имущество, главным образом свои стада от внешних врагов, происходит вооруженная борьба за пастбища, захватывающая иногда

¹³ См. В. В. Бартольд. Соч., т. V, стр. 278.

¹⁴ Там же, стр. 133, 496.

¹⁵ Там же, стр. 265.

¹⁶ Там же, стр. 243.

¹⁷ Там же, стр. 261 и сл., 428 и сл., 471.

обширный район, происходят кризисы, заставляющие народ организовать свои силы и объединиться вокруг одного лица или одного рода. Вместо обычных условий жизни кочевников, при которых можно говорить только об общественном, но не о государственном строе, в короткое время возникает не только сильная государственная власть, но и представление о великодержавном могуществе, при благоприятных условиях переходящее в представление о мировом владычестве. Для успеха такой идеи необходимо, чтобы ее представитель располагал грозной, тщательно организованной силой. Будничные условия жизни кочевников мало благоприятны для таких стремлений; для скольконибудь прочного существования кочевой империи необходимо, чтобы ее глава или путем набегов, или путем завоеваний доставлял своим подданным богатства культурных стран. В завоеванной стране кочевники, особенно династия и ее главные сподвижники, постепенно подчиняются влиянию более высокой культуры; но то, что они принесли с собой, исчезает не сразу и не бесследно. Завоеватели стараются соединить свободу кочевой жизни с благами культуры; под влиянием такого стремления вырабатываются своеобразные отношения между государем, его соплеменниками и его новыми подданными; государственная система, возникшая на прежней родине завоевателей, хотя и не без влияния представителей культуры, находит в завоеванной стране более благоприятные условия для своего развития, успешно выдерживает соперничество с политическими идеалами, существовавшими в той же стране раньше, и оставляет в чужой стране более прочный след, чем на своей родине»¹⁸.

В конце XIX в. появился ряд работ о законодательстве и обычном праве у кочевников Азии вообще и у монголов эпохи XIII—XIV вв. в частности. Однако эти работы по монгольскому, так называемому «праву Чингис-хана», исходили из абстрактных правовых идей и рассматривали этот памятник монгольского права без конкретного социально-политического анализа¹⁹.

К изучению монгольской армии историки второй половины XIX в. также подходили формально, с точки зрения рассмотрения вопросов только военной истории. Их интересовало военное искусство монголов, построение воинских порядков, организация походов и служб охраны, а не общественные отношения, нашедшие выражение в устройстве армии²⁰.

Но интерес к социальной истории кочевников не исчез. В значительной степени в начале XX в. он сосредоточился на вопросе об оценке личности Чингис-хана и его деятельности.

Характерная дискуссия о монгольской государственности, праве и «Ясе» Чингис-хана возникла в среде эмигрантской профессуры на юридическом факультете Харбина в 1930-х годах. В. А. Рязановский доказывал, что «яса» была кодификацией обычного права и совершенно не видел в ней отражения классовых интересов того слоя, представи-

¹⁸ В. В. Бартольд. Соч., т. II, ч. 2, стр. 28.

¹⁹ См. Я. И. Гурленд. Степное законодательство с древнейших времен до XVII столетия. ИОАИЭ, 1904, вып. XX, № 4—5; П. С. Попов. Яса Чингис-хана и уложение монгольской династии Юань-чао-дьянь-чжень. ЗВОРАО, 1907, т. XVII, вып. 4.

²⁰ См. М. И. Иванов. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингис-хане и Тамерлане. СПб., 1875; И. В. Бентковский. Военные законы монголов и их влияние на кочевую культуру и вообще на дух народа. «Ставропольские губ. ведомости», 1877, № 8.

телем и вождем которого был Чингис-хан²¹. Его оппоненты, Г. К. Гинс и Г. Г. Тельберг, видели в «ясе» только результат организаторско-учредительской деятельности Чингис-хана, усматривая в ней истоки всей монгольской государственности, права, армии, видя только в талантах полководца причину и военных, и внутренних успехов монголов, отказываясь исследовать какие-либо социальные процессы, приведшие к появлению этого исторического персонажа²².

В 20—30-х годах XX в. распространилась обширная литература о Чингис-хане как о сильной личности, «гениальном дикаре», «фюрере» кочевников, которые без него были бы дикой и аморфной массой²³. Идеализация и придание личности Чингис-хана некоторого налета мистики сохранились в буржуазной науке в ряде работ и до наших дней. Так, например, Б. Шпулер, опубликовавший ряд исследований по истории монголов, по Золотой Орде и Хулагуидскому Ирану, при характеристике монгольских завоеваний исходит из признания гениальности Чингис-хана и считает его источником всех событий, приведших к экспансии монголов. Этот человек, по его мнению, стремился к созданию централизованной мировой империи при наличии массы номадов, аморфной и дикой, которая окружала его и была лишь его орудием. Но эта цель оказалась недостижима, что не замедлило проявиться уже при первых его преемниках²⁴.

Для западноевропейской историографии XX в. стали характерны идеи извечной борьбы кочевой аморфной стихии и цивилизованных оседлых районов, идеи, не вскрывающие существа исторических событий.

В работах французского историка кочевых народов Р. Груссе²⁵ нет попыток понять события, связанные с продвижением кочевников на запад, исходя из анализа социальных явлений, вопрос об общественном строе номадов в его работах почти не затрагивается. Исследователь отмечает лишь внешнюю сторону событий, которая состоит, по его мнению, в периодических вторжениях номадов в цивилизованные

²¹ См. В. А. Рязановский. Монгольское право, преимущественно обычное. Харбин, 1931; его же. Является ли монгольское право правом обычным? Харбин, 1932; его же. К вопросу о влиянии монгольской культуры и монгольского права на русскую культуру и русское право. «Изв. юридического ф-та в Харбине». Харбин, 1931.

²² См. Г. Г. Тельберг. Рецензия на книгу: В. А. Рязановский. Монгольское право. «Изв. юридического ф-та в Харбине». Харбин, 1931; Г. К. Гинс. Монгольская государственность и право в их историческом развитии. «Вестн. китайского права», 1931, № 3.

²³ См., например, работы так называемых «евразийцев»: И. Р. «Наследие Чингис-хана», Берлин, 1925; Э. Хара-Давань, Чингис-хан как полководец и его наследие. Белград, 1928; Р. Фох. Genghis-Khan. London, 1936. Идеализация личности Чингис-хана была характерна также для книг, выпущенных в Германии в 1930-х годах. Связь этих реакционных концепций с идеологией фашизма несомненна. См., например, J. Vagckhausen. Das gelbe Weltreich. Lebensgeschichte einer Macht. Berlin, 1935. Разбор взглядов «евразийцев» см. В. В. Каргалов. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1967, стр. 234. Развитие их концепций мы находим в работе Г. Вернадского (G. Vernadsky. The Mongols and Russia. New Haven, 1953). См. рецензию Н. Я. Мерперта и В. Т. Пашуто. ВИ, 1955, № 8. В. Котвич в 1930-х годах проповедовал мысль о том, что Чингис-хан был «творцом идеи всеобщего мира в единой мировой империи» и эта идея обусловила монгольское движение (W. Kotwicz. Les Mongols, promoteurs de l'idée de paix universelle au début du XIV siècle. «La Pologne au VII Congrès International des Sciences Historiques». Warsaw, 1933).

²⁴ В. Spuler. Die Mongolen in Iran. Berlin, 1955; В. Spuler. Les Mongols dans l'histoire. Paris, 1961.

²⁵ R. Grousset. L'empire des steppes. Attila, Gengis-Khan, Tamerlan. Paris, 1948.

области мира. Таких волн было три: Аттила, Чингис-хан и Тимур. Не ставя вопроса о внутреннем, социальном различии трех этих крупнейших исторических явлений, Р. Груссе исходит из самого характера образа жизни степных обитателей, который, по его мнению, извечен и которым их наделила природа. Р. Груссе формулирует особый «закон» развития кочевников, рассматривая их взаимоотношения с оседлыми народами только в географическом аспекте. Исследователь преувеличивает роль «сильных» личностей, кочевых ханов — создателей больших империй номадов. Извечной угрозой, исходящей из центрально-азиатских степей, цивилизованные народы только в XVI в. смогли противопоставить достаточно мощную военную силу, создать которую помогло, по мнению Р. Груссе, изобретение артиллерии.

Работы Х. Шурманна о налогах в монгольских государствах не могут быть обойдены при характеристике буржуазной исторической литературы, посвященной кочевническому общественному строю²⁶. Автор рассматривает свою тему широко — на материале всех государств, созданных монголами. Взаимоотношение победителей кочевников и побежденных оседлых народов при этом ставится во главу угла. Автор делит историю этих государств на три периода: первый — эпоха правления Чингис-хана — период племенной конфедерации с родом завоевателя во главе, период вывоза ремесленников из завоеванных земель и отсутствия постоянной систематической эксплуатации завоеванных народов; второй — период постепенной выработки в борьбе с некоторыми слоями кочевой знати «концепции» систематической эксплуатации оседлых земель — период распространения принципов организации кочевой конфедерации на оседлые земли и окончания завоеваний, заключительным этапом которых было образование Золотой Орды. Третий — возобновление традиционных систем правления в оседлых областях, выразившееся в реформах, например, в Иране — хана Газана, «создание стабильной системы взаимного сосуществования степи и оседлых зон». Автор подчеркивает, что долгое время в монгольских государствах управление и палоговая система строились не в территориальных понятиях, а в «терминах населения», в чем отразились особенности общественного строя кочевников.

Но Х. Шурманн не смог подняться до научного анализа общественных отношений у кочевников. Рассуждая довольно примитивно и прямолинейно, он усматривает истоки централизованных монархий на Средневековом Востоке, в том числе и Османской империи, в монгольских государствах, так как именно в XIII—XIV вв., по его мнению, были заложены основы абсолютизма, благоприятные условия для которого были созданы огромной военной силой завоевателей-монголов, которые чувствовали себя вынужденными организовывать мощную центральную власть во враждебной среде завоеванных стран.

Мы разделяем мысль Х. Шурманна о параллельности ряда процессов социального развития в государствах, образовавшихся на территориях, завоеванных монголами, которая проводится автором разбираемой статьи. Но мы не можем согласиться с его взглядами на сущность общественных отношений в этих государствах. Х. Шурманн пишет, что феодализм у монголов есть не что иное, как «система наследования», при которой взрослый сын отделяется от семьи и основывает свое независимое владение. Другими словами, статья Х. Шурманна — еще один пример отрицания существования классовой струк-

²⁶ H. F. Schurmann. Mongolian tributary practices of the thirteenth century. «Harvard Journal of Asiatic Studies», 1956, No. 3—4.

туры общества в кочевых государствах и рассмотрения их как простой проекции родового быта и родовых взаимоотношений на все кочевое общество.

Исследование общественного строя кочевников получило дальнейшее развитие в работах крупнейшего советского монголиста В. Я. Владимирцова. В начале своей научной работы он видел в деятельности Чингис-хана своего рода историческую неожиданность, чудо²⁷. Но позднее²⁸ В. Я. Владимирцов занялся изучением непосредственно социального строя кочевников-монголов и показал, что они представляли собой не хаотический конгломерат племен, а организованное общество, со своими законами классовообразования и классовой борьбы, оформленное в определенную устойчивую структуру, развитие которой и обуславливает исторический процесс. В. Я. Владимирцов начал работу по выявлению точного смысла терминов, служивших для выражения существовавших у тюрков и монголов общественных отношений. Он обрисовал социальное положение простого монгольского производителя-кочевника, который владеет скотом, кочует айлом, имеет орудия труда в своей собственности, но пастбищем пользуется, завися от воли и распоряжений собственника кочевых территорий, т. е. завися в своих кочевках и в использовании пастбищ от ханов и нойонов.

Книга В. Я. Владимирцова «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм» является первым специальным исследованием по феодализму кочевников, исследованием, основанным на изучении огромного фактического материала, а не на построении умозрительной концепции.

В советской исторической науке в 1930-е годы вслед за В. Я. Владимирцовым была предпринята попытка разработать понятие кочевого феодализма.

Работы С. П. Толстова, А. Н. Бернштама, Л. П. Потапова и других поставили вопрос о существовании особого варианта феодального строя у кочевников²⁹.

С. П. Толстов считал возможным видеть в архаических кочевых обществах элементы рабовладельческой формации, а в более поздних — феодального строя. Он показал, как из элементов родовой взаимопомощи развиваются у кочевников феодальные отношения, отметил роль пережитков родового строя, маскирующих классовую эксплуатацию у кочевников, особую силу и живучесть этих пережитков

²⁷ См. В. Я. Владимирцов. Чингис-хан. Берлин—Пг.—М., 1922.

²⁸ См. В. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934. Эта книга выгодно отличалась от появившихся почти одновременно работ других исследователей (см. Н. Н. Козьмин. К вопросу о тюрко-монгольском феодализме. М.—Иркутск, 1934; Р. Кабо. Очерки истории и экономики Тувы, ч. I. М.—Л., 1934) с грубосоциологическими построениями, отождествлявшими феодализм у кочевников с феодализмом в странах Западной Европы. В какой-то степени эти взгляды были реакцией на господствующий в 1920-х годах тезис о существовании родового строя у кочевников (см. К. Каутский. Материалистическое понимание истории, т. II. М.—Л., 1931, стр. 103; П. Кушнер. Очерки развития общественных форм. М.—Л., 1927; К. М. Тахтарев. Сравнительная история развития человеческого общества и общественных форм, ч. I. Л., 1924, стр. 281 и сл.).

²⁹ См. С. П. Толстов. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах. Сб. «Основные проблемы генезиса и развития феодализма». Л., 1934; А. Н. Бернштам. Проблема распада родовых отношений у кочевников Азии, СЭ, 1934, № 6; А. Н. Бернштам. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков. Л., 1946; Л. П. Потапов. Ранние формы феодальных отношений у кочевников. «Зап. ХНИИЯЛИ», 1947, вып. I.

в условиях кочевого общества. С. П. Толстов показал, что не родовая, а территориальная кочевая община является основной ячейкой кочевого общества в условиях феодализма. В борьбе степняков с оседлым населением С. П. Толстов видел элементы классовой борьбы, так как к оседлости раньше других переходят именно бедные слои кочевников³⁰.

В 1950-х годах был напечатан ряд статей теоретического характера, в которых выяснялась феодальная по существу зависимость степняков-скотоводов от кочевых феодалов. Эта зависимость осуществлялась не путем прикрепления к земле, а вхождением кочевников в зависимые от кочевой аристократии объединения, сохранявшие видимость родовых союзов. Эти группы вместе с закрепленными за ними пастбищами и со своим скотом управлялись и эксплуатировались ханами, беками — кочевой феодальной знатью. Наиболее общей формой зависимости кочевого коллектива от хана была необходимость при перекочевках следовать указанным ханом маршрутам. Так знать осуществляла свое право собственности на землю, эксплуатируя непосредственного производителя-скотовода³¹. Кроме того, феодалы распоряжались полновластно наиболее удобными землями и своими непосредственно им принадлежавшими стадами, за которыми ходили рабы или полурабы. Иногда хаанский и байский скот раздавался бедноте во временное пользование на условиях аренды. Эксплуатация общинников часто осуществлялась баями под видом родовой взаимопомощи. Кочевые группы в условиях феодализма сохраняли видимость рода, но на самом деле в большинстве случаев являлись объединениями, аналогичными сельской территориальной общине.

На дискуссии 1954—1955 гг., посвященной объяснению сущности «кочевого феодализма», был поставлен вопрос о феодальной собственности на землю в условиях кочевого общества. С. Е. Толыбеков выступил с отрицанием таковой, с положением о длительном существовании у кочевников родового строя, о полуфеодальном характере даже позднего кочевого общества, о развитии у них феодальной собственности на землю только при переходе к оседлости³². Эти тезисы не встретили поддержки. Большинство выступивших в дискуссии их отвергло. Для обозначения «кочевого феодализма» рядом авторов, в том числе и самим С. Е. Толыбековым, был принят термин «патриар-

³⁰ Эта интересная мысль С. П. Толстова была развита другими исследователями: сила кочевников в определенные периоды их истории состоит в том, что внутри их общества сохраняется относительное единство, связанное с патриархальной неразвитостью общественного строя, при которой эксплуатация человека и классовые противоречия, разъедающие другие более развитые общественные системы и ослабляющие их, у кочевников переносятся в сферу внешних сношений — набеги на оседлые племена и земли, дань с покоренных оседлых районов (см. А. М. Васильев. Пуризм ислама? М., 1967, стр. 59, 64; А. И. Першиц. Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX — первой трети XX в. М., 1961, стр. 140).

³¹ См. В. С. Бартаков. О воспроизводстве родовых отношений у кочевых народов Средней Азии. «Изв. АН УзССР», 1949, вып. 3; его же. Особенности феодализма у кочевых народов. Сб. «Научная сессия АН УзССР 9—14 июля 1947 г.». Ташкент, 1947.

³² См. С. Е. Толыбеков. О патриархально-феодальных отношениях у кочевых народов. ВИ, 1955, № 1; его же. Кочевое скотоводство и оседлое земледелие. «Вестн. АН КазССР», 1955, № 6; Еще раньше об отсутствии частной собственности на землю писал В. Ф. Шахматов (см. В. Ф. Шахматов. К вопросу о сложении и специфике патриархально-феодальных отношений в Казахстане. «Вестн. АН КазССР», 1951, № 7). Но сам В. Ф. Шахматов в более ранней работе «Внутренняя Орда и восстание Исатая Тайманова» (Алма-Ата, 1946) показал переход в XIX в. в феодальную собственность кочевой аристократии пастбищных земель.

хально-феодальные отношения»³³. Вскоре С. Е. Толыбеков выступил со специальной книгой³⁴. В ней автор продолжал отстаивать неверный, на наш взгляд, тезис об отсутствии феодальной собственности на землю у кочевников. Вместе с тем в этой книге С. Е. Толыбеков высказал и ряд правильных положений. В частности, он справедливо писал о консерватизме кочевнического хозяйства, о прогрессивности присоединения к России казахов, о реакционности монгольского завоевания и самого существования Золотой Орды, особенно в поздний период ее исторической жизни, когда на ее степной территории господствовало застойное кочевое хозяйство, не имевшее никаких перспектив для своего развития, разрушаемое непрерывной усобицей беков.

Концепция С. Е. Толыбекова исходит из признания трех форм кочевого хозяйства³⁵: 1) всецело кочевое, таборное, с полным отсутствием оседлости и земледелия, с частной собственностью на скот и с общественной собственностью на землю; 2) полукочевое, с зимней тебеневкой части скота с небольшими заготовками кормов, при общинно-айильной форме кочевков, с айильной и с переходом к семейной собственности на пастбища; 3) полукочевое, с заготовками кормов и без зимней тебеневки, с развитым земледелием, с господством частной собственности на землю. В силу того что кочевое скотоводческое общество, по С. Е. Толыбекову, без оседлости не может достичь уровня частной собственности на землю, эксплуатация зависимого населения в нем осуществляется через скот. Это приводило в таком обществе к неразвитости феодальных отношений, которые С. Е. Толыбеков сравнивает с отношениями ранних, переходных к феодализму государств типа Киевской Руси до Владимира.

Не вдаваясь в подробный анализ общественных отношений казахского кочевого общества XVI—XVIII вв., существовавшего якобы без феодальной собственности на землю, мы должны сказать, что представление о Золотой Орде, да и Монголии XIII—XIV вв., как о таких патриархально-феодальных государствах, лишено основания. Если это понятие можно распространить на империю Чингис-хана, где действительно феодал не получил еще полного развития, то в Золотой Орде и собственно Монголии к XIV в. сложилась система кочевых феодалов, с типичными для развитого феодализма иммунитетами, и следовательно с феодальной сословной собственностью на землю³⁶. Это мы стремимся показать в нашей работе.

В 1967 г. с развитием взглядов С. Е. Толыбекова выступил Г. Е. Марков³⁷. Он определяет следующие черты, характерные для общественного строя кочевых обществ: частная собственность на скот и общественная собственность на землю, поголовное вооружение народа,

³³ Л. П. Потапов. О сущности патриархально-феодальных отношений у народов Средней Азии и Казахстана. ВИ, 1955, № 6; И. Я. Златкин. К вопросу о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов. ВИ, 1955, № 4; В. Ф. Шахматов. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Казахстана. «Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период». Ташкент, 1955.

³⁴ См. С. Е. Толыбеков. Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX вв. Алма-Ата, 1959.

³⁵ Ср. сходную классификацию типов кочевнического хозяйства у С. И. Руденко (см. С. И. Руденко. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках. МЭГО, вып. 1. Л., 1961).

³⁶ «Древнемонгольские города». М., 1965, стр. 15.

³⁷ См. Г. Е. Марков. Кочевники Азии (хозяйственная и общественная структура скотоводческих народов Азии в эпохи возникновения, расцвета и заката кочевничества). Автореф. дисс. на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1967.

препятствующее установлению классовой монополии на средства производства и сословного государства; личная свобода и хозяйственная самостоятельность рядовых кочевников, которая, по мнению Г. Е. Маркова, является условием существования самого кочевничества; племенная структура общества, с пережитками представлений о родовом единстве, воплощенных в вымышленной генеалогии. Г. Е. Марков рассматривает кочевое общество как систему, могущую быть в двух состояниях, которые легко переходят одно в другое: «общинно-кочевое» и «военно-кочевое». К последнему состоянию он относит монголов эпохи завоевательных войн Чингис-хана и другие «империи» кочевников.

Принимая тезис о племенном строе у кочевников, при котором основу составляют объединения типа территориальных общин (общин «спутников»), мы не можем согласиться с другими взглядами на этот вопрос С. Е. Толыбекова. Конечно, у кочевников не было той формы феодальной собственности на землю, которую знали оседлые народы. Но у них, в силу их кочевнического хозяйства, собственность на землю осуществлялась через управление кочеванием. И в этой форме собственность на землю фактически существовала, но скрытно, в неявной форме, в виде закрепления пастбищ и целых районов за теми или иными кочевыми коллективами. Вначале распределение пастбищ и установление кочевых маршрутов, которые были формой выражения собственности на землю, складывались у кочевников стихийно, вольнозахватным способом. «... Аулы каждой родовой группы не потому кочевали одними и теми же путями и зимовали по соседству, что эти пути и зимние пастбища были когда-либо и кем-либо указаны, разграничены и закреплены, а потому, что каждый аул придерживался тех кочевых путей и остановок, где он мог скорее встретить своих ближайших родственников»³⁸. Но позднее пастбища стали распределяться ханами и знатью, именно они стали указывать маршруты и зимовки³⁹. А это и было переходом от общинной собственности на землю с ее вольнозахватной формой к своеобразной монополии верхов общества на землю, конечно, в завуалированной, но в характерной для феодализма иерархической форме.

Перераспределение этих пастбищ между кочевыми общинами, осуществляемое ханами и кочевыми беками принудительно, и было

³⁸ С. Е. Толыбеков. Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX вв., стр. 121.

³⁹ Существуют многочисленные этнографические примеры, подтверждающие это: «Некоторые феодалы имели до десяти и более зависимых от них пастбищных кочевых групп, за которыми, как за обычными родовыми подразделениями закреплялись определенные пастбища... Башкирские феодалы раздавали скот на выпас зависимым соседям; в этом случае родовое подразделение сохранялось, но его стадо состояло уже из скота бая. Аймак продолжал кочевать на своих традиционных кочевьях со скотом феодалов. Феодальная верхушка башкирского общества устанавливала ... фактическую собственность на огромные земельные владения, которыми она распоряжалась в силу существования патриархально-родовых традиций» (Р. Г. Кузеева, Н. В. Бикбулатов, С. Н. Шитова. Зауральские башкиры. Сб. «Археология и этнография Башкирии», т. 1. Уфа, 1962, стр. 208). О феодальной собственности у кочевников на землю, реализуемой как право регулирования кочевания, см. В. В. Трубецкой. Бахтияры. М., 1966, стр. 33, 154; М. Вяткин. Казахское общество в середине XVIII в. «Изв. Казахского фил. АН СССР», 1940, т. IV, стр. 5; И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства (1635—1758). М., 1964, стр. 70 и сл., стр. 464—469. О распределении ханом кочевых территорий у ногаев в XVI в. см. ПДРВ, 1793, т. VIII, стр. 170; в «Тарихи Абу-л-Хаир-хани» Мас'уда (XVI в.) сообщается, что казахский хан пожаловал в удел батырам и биям захваченные земли (см. С. К. Ибрагимов. «Михман-намеи Бухара» Рувбеяна как источник по истории Казахстана. «Тр. ИИАЭ КазССР», 1960, т. 8, стр. 146).

формой реализации монопольного права на землю со стороны социальных верхов. Об этом известно С. Е. Толыбекову, по замаскированности такой формы собственности на землю приводит его к неправильному отрицанию существования собственности на землю у кочевников вообще. Систематические перераспределения земли внутри общины, неустойчивость границ территориальных владений, верховная номинальная собственность государства или хана на землю, наличие свободных земель — все это явления, возможные и бытовавшие в феодальных оседлых государствах, лишь усиленные в степи кочевым скотоводством, как бы консервирующим архаические черты общественного строя. Улусная степная общественная система Золотой Орды дает нам пример сословно-иерархического владения землей, своеобразных степных бенефициев, а позднее — феодалов.

«Чингис-хан упорядочил перекочевки, выделил для каждой военно-политической группы определенные пастбища. Но сделано это было не с целью закрепления пастбищ за предводителями, а для укрепления военной организации, которую могли нарушить беспорядочные перекочевки и возможные столкновения из-за пастбищ, — пишет Г. Е. Марков. — Потому-то сложение монгольской империи не привело в степи к изменению форм собственности на основные средства производства».

Но чем была деятельность Чингис-хана по упорядочению монгольского общества, как не юридическим оформлением иерархических отношений, установившихся в ходе объединительных войн внутри Монголии и завоевательных войн вне ее? Что такое улусы, тьмы, тысячи, сотни, как не кочевые «бенефиции», выданные на условиях военной службы? Что такое дисциплина в войсках Чингис-хана, как не стеснение свободы рядовых кочевников, попавших в зависимость от своих военачальников-сеньоров: тысячников, темников-беков, улусных держателей-ханов? Что такое принудительное перераспределение старых пастбищ, руководство со стороны монгольской аристократии кочеванием как монгольских, так и захваченных половецких или черноклобуцких кочевых групп, переселение их в новые места и на новые земли, как не перераспределение земель, скота и зависимых людей?

Более правильной чем концепция С. Е. Толыбекова представляется нам точка зрения С. З. Зиманова на кочевой феодализм в Казахстане XIX в.⁴⁰

С. З. Зиманов показал, что феодальные отношения у кочевников не могли основываться только на собственности на скот, который был и у богатых и у бедных, и не был, таким образом, в монопольной собственности у аристократии. Аренда скота была мало распространена.

Возникновение в кочевническом обществе Дешт-и-Кыпчак сословной монопольной феодальной собственности на землю пусть в весьма завуалированной форме связано именно с насильственным перераспределением завоевателями степи, шедшим вразрез с ее традиционной племенной структурой. Именно отношения экономического принуждения и личного подчинения характеризуют феодальную собствен-

⁴⁰ См. С. З. Зиманов. Общественный строй казахов первой половины XIX века. Алма-Ата, 1958; его же. О патриархально-феодальных отношениях у кочевников. ВИ, 1955, № 12; его же. Политический строй Казахстана в конце XVIII и первой половине XIX в. Алма-Ата, 1960; С. Зиманов и А. Еренов. О характере феодальной собственности на землю в Казахстане. «Тр. Алма-Атинского юридического института», 1955, вып. 1; см. также А. Еренов. Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов. Алма-Ата, 1961.